

Обе хижины стояли рядом, у подножия холма, неподалеку от маленького курорта. Оба крестьянина тяжко работали на бесплодной земле, чтобы поставить на ноги своих малышей. В каждой семье было четверо ребят. Перед дверьми стоявших бок о бок домишек вся детвора копошилась с утра до вечера. Двум старшим было по шести лет, двум младшим побольше года. Браки, а затем и рождения в обеих семьях происходили почти одновременно.

Обе матери с трудом различали в общей куче свое потомство, а отцы и вовсе путали детей. Восемь имен вертелись у них в голове, все время смешивались, и, чтобы кликнуть одного малыша, мужья нередко называли троих прежде чем напасть на того, кто им был нужен.

Первый из двух домишек по дороге из курорта Рольпор занимали Тюваши — у них была одна девочка и трое мальчиков; в другой лачуге жили Валлены, у которых были три девочки и один мальчик. Все они кое-как поддерживали свое существование, питаясь похлебкой, картофелем и свежим воздухом. В семь часов утра, в полдень, в шесть вечера хозяйки ссыпали своих малюток, чтобы их покормить, как пастушки скликают своих гусей. Дети садились по возрасту за деревянный стол, который лосился от пятидесятилетней службы. Младший карапуз еле дотягивался ртом до стола. Перед детьми ставили миску, полную хлеба, размоченного в воде, в которой варились картофель, полкочана капусты и три луковицы, и весь выводок наедался досыта. Мать сама кормила младшего. Кусок говядины в воскресном супе считался для всех праздником; отец в такой день засиживался за столом и твердил: «Я бы не отказался и каждый день так пообедать...»

Однажды в августовский день кабриолет неожиданно остановился перед обеими хижинами, и молодая женщина, которая сама правила, сказала сидевшему рядом с ней господину:

— Ах, посмотри, Анри, на эту кучу детишек! Как они прелестны сейчас, когда роются в пыли.

Господин ничего не ответил, он уже привык к этим восторгам, которые причиняли ему страдание и звучали почти упреком.

— Я должна их расцеловать, — продолжала молодая женщина. — Ах, как бы мне хотелось иметь вот этого, самого маленького!

Она выскочила из экипажа, подбежала к детям, схватила в свои объятья одного из младших, маленького Тюваша, и стала осыпать поцелуями его грязные щёчки, белокурые выющиеся волосы, все в земле, его ручонки, вымазанные глиной, которыми он отбивался от ее непрошеных ласк.

Затем она села в экипаж и пустила лошадь рысью. Но через неделю она снова приехала, сама уселась на землю, взяла на руки карапуза, пичкала его пирожными, угостила конфетами остальных и возилась с ними, как девчонка, в то время как муж терпеливо ждал ее в своей изящной коляске.

Она приехала еще раз, познакомилась с родителями и стала бывать каждый день; и карманы ее всегда были набиты сладостями и мелочью.

Звали ее г — жа Анри д'Юбьер. p>

Однажды утром, когда они приехали, муж ее сошел с экипажа вместе с ней; не обращая внимания на ребят, которые теперь уже хорошо ее знали, она прошла в крестьянскую лачугу.

Хозяева были дома и кололи дрова для печки; они поднялись в полном изумлении, предложили гостям стулья и стали ждать. 1 огда молодая женщина прерывающимся, дрожащим от волнения голосом сказала:

— Друзья мои, я приехала к вам, чтобы... мне хочется... мне очень хочется увезти с собой... вашего... вашего мальчика.

Крестьяне, удивленные, не зная, что и подумать, молчали.

— У нас нет детей, — продолжала, переведя дух, г — жа д'Юбьер, — мы с мужем одни... Мы его оставим у себя... согласны?

Крестьянка начала понимать.

— Вы хотите взять у нас Шарло? — спросила она. — Ну, нет. ни за что!

Тогда вмешался г — н д'Юбьер:

— Жена не сумела вам объяснить. Мы хотим усыновить его, но он к вам будет ездить. Если из него выйдет толк, как можно полагать, он будет нашим наследником. Если нам придется иметь собственных детей, он получит равную с ними долю. Но если наши заботы о нем пропадут даром, то в день его совершеннолетия ему будет выплачено двадцать тысяч франков, которые мы немедленно положим на его имя у нотариуса. А так Как мы и о вас хотим позаботиться, то вы будете получать до самой смерти пенсию в сто франков ежемесячно. Поняли?

Крестьянка вскочила в бешенстве:

— Вы хотите, чтобы я продала вам Шарло? Ну, нет, матери таких вещей не предлагают. Ну, нет! Мерзость какая!

Муж молчал, суровый, сосредоточенный; но он все время сочувственно качал головой, одобряя жену.

Г — жа д'Юбьер растерялась, она заплакала и, обернувшись к мужу, голосом, прерывающимся от рыданий, голосом ребенка, не знающего отказа своим прихотям, пролепетала:

— Они не согласны, Анри, они не согласны!

И д'Юбье сделал последнюю попытку:

— Однако, друзья мои, подумайте о будущем ребенка, о его счастье!

Но, выведенная из себя, крестьянка грубо прервала его:

— Уж мы все слышали, обо всем подумали, все рассудили. Идите, идите, и чтобы я вас здесь больше не видела. Где это слыхано, чтобы у людей отнимать ребенка!

Г — жа д'Юбье, уходя, вдруг вспомнила, что малышей было двое, и она сквозь слезы спросила с упорством женщины своевольной и избалованной, привыкшей, чтобы все ее желания тотчас же исполнялись:

— А другой мальчуган ведь не ваш?

— Нет, он соседский, — ответил крестьянин, — можете к ним зайти, если хотите.

И Тювш вернулся к себе в дом, где раздавался возмущенный голос его жены.

Валлены сидели за столом и медленно жевали хлеб, скрупульно намазывая ломти маслом, которое они брали на кончик ножа с поставленной между ними тарелки.

Г — н д'Юбье и им сделал то же предложение, но с большей вкрадчивостью, осторожностью и красноречием.

Крестьянская чета отрицательно тряслась головой. Но когда они узнали, что будут получать сто франков в месяц, они переглянулись, вопросительно посмотрели друг на друга и стали колебаться.

Они долго молчали, мучаясь, не зная, на что решиться.

Наконец жена спросила:

— Ну, что ты на это скажешь, отец?

— Этим пренебрегать нельзя, — многозначительно промолвил муж.

Г — жа д'Юбье, дрожащая от волнения, стала говорить им о будущности ребенка, о его счастье, о деньгах, которые он сможет дать им впоследствии.

— А тысячу двести франков в год, вы при нотариусе обещаете нам их выплачивать? — спросил крестьянин.

— Разумеется, — ответил г — н д'Юбье, — и с завтрашнего дня.

Крестьянка, о чем?то размышлявшая, сказала:

— Ну, ста франков в месяц маловато: отнимете у нас мальчика, а ведь он через несколько лет работником будет; нет, меньше ста двадцати не догласна.

Г — жа д'Юбье, дрожа от нетерпения, сразу же согласилась, так как ей хотелось немедленно увезти ребенка; она подарила сто франков родителям, меж тем как муж ее писал расписку. Тут же позвали мэра и одного из соседей, которые охотно подписались в качестве свидетелей.

И молодая женщина, сияя от удовольствия, унесла ревевшего во все горло малыша, как уносят из магазина понравившуюся безделушку.

Тювashi, стоя на пороге своего дома, следили за его отъездом, безмолвные, угрюмые, быть может сожалея о своем отказе.

С тех пор ничего не было слышно о маленьком Жане Валлене. Его родители каждый месяц получали у нотариуса свои сто двадцать франков. Они рассорились со своими соседями, потому что тетушка Тювш обливала их грязью, всюду твердила, не пропуская ни одного дома, что только выродки могут торговать своим ребенком, что это подло, мерзко, гнусно!

Она иногда с вызывающим видом обнимала своего Шарло и приговаривала, будто он мог ее понять:

— Я тебя не продала, не продала, деточка. Я не торгую своими детьми. Я бедная женщина, но своими детьми не торгую.

И в течение многих лет изо дня в день с ее порога неслись злобные выкрики по адресу соседей, которые были слышны у них в доме.

Тетушка Тювш в конце концов вообразила, что она стоит выше всех в своей округе, потому что она не продала Шарло. Когда о ней шла речь, люди говорили:

— Конечно, это было заманчиво, ничего не скажешь, но она поступила как добрая мать.

Ее ставили в пример. И Шарло, которому шел уже восемнадцатый год, привыкший к этой мысли, постоянно повторяющей ему на все лады, считал себя выше своих товарищей, потому что его не продали.

Валлены благодаря своей пенсии жили ни в чем не нуждаясь. Отсюда и проистекала неукротимая злоба Тюваши, оставшихся бедняками.

Их старший сын был взят в солдаты, второй умер, и Шарло с отцом выбивались из сил, чтобы прокормить мать и двух младших сестренок.

Ему шел двадцать первый год, когда однажды утром щёгольская коляска остановилась перед обеими хижинами. Молодой человек с золотой цепочкой на жилете вышел из коляски и подал руку пожилой седовласой даме.

— Это здесь, дитя мое, во втором доме.

И он вошел в лачугу Валленов, как к себе домой.

Старуха мать стирала свои передники; одряхлевший отец Дремал у очага. Оба подняли головы.

— Здравствуй, папа, здравствуй, мама, — произнес молодой человек.

Они вскочили в полной растерянности. Крестьянка от волнения уронила мыло в воду и пробомотала:

— Это ты, сынок, это ты!

Он обнял ее и поцеловал, повторяя: «Здравствуй, мама». А стариk, весь дрожа, спросил своим обычным, спокойным топом:

— Вот ты и вернулся, Жан? — как будто он расстался с ним месяц тому назад.

И когда они освоились друг с другом, родители захотели тут же пройтись с сыном, чтобы его всем показать. Его повели к мэру, к помощнику мэра, к кюре и к учителю.

Шарло, стоя на пороге своей хижины, наблюдал за ними.

Вечером, за ужином, он сказал старикам:

— Ну и дурака же вы свалял, что позволили им взять мальчишку от Валленов.

Мать упрямо ответила:

— Я не хотела продавать своего ребенка.

Отец молчал.

— Да что и говорить, счастье мое загубили, — сказал сын.

— Ты что ж, попрекать нас вздумал за то, что мы тебя не отдали? — гневно произнес Тюваш — отец.

— Да, буду попрекать, — грубо ответил сын, — олухи вы этакие! Такие родители, как вы, сущее горе для детей. Вы стоите того, чтобы я вас бросил.

Старуха горько плакала, склонившись над тарелкой. Она тяжело вздохала, глотая суп, половину которого расплескивала по столу:

— Вот и жертвуйте всем для детей!

— Лучше бы я совсем не родился, — бессердечно продолжал парень, — чем быть таким, как теперь. Когда я давеча увидел Валлена, у меня вся кровь закипела, и я подумал: вот каким я был бы теперь.

Он встал.

— Нет, лучше мне здесь не оставаться, я вас с утра до вечера буду попрекать, так что вам тошно станет. Этого я вам никогда не прощу.

Старики молчали, подавленные, и тихо плакали.

— Нет, я этого не выдержу, — сказал сын. — Уйду куда-нибудь, пробью себе дорогу.

Он открыл дверь. До него донесся гул голосов. Валлены праздновали возвращение сына.

Тогда Шарло топнул ногой и, обернувшись к родителям, крикнул:

— Мужичье!

И исчез в ночи.